

сто лет тому назад его осадили и взяли англичане — и сингалезский царь сжег весь город, так что уцелел лишь священный Храм Зуба.

Храм Зуба — это древние, черные зубцы крепостных стен и низкая осьмиугольная башня с острой крышей. Богослужение совершается в нем утром и вечером, каждый раз в шесть часов. Храм — узкий колонный зал, на задней стене его страшное изображение мучений в аду. Дверь в орнаментах ведет в четвероугольный двор, окруженный колоннами, посреди которого стоит часовня с Зубом Будды. При входе в нее стоят на жертвеннике бронзовые тарелки с густо и сладко благоухающими цветами Храмового Дерева. Здесь же стоят и музыкальные инструменты для богослужения.

Наглядевшись на священные черепки в канале, окружавшем Храм Зуба, входил в Храм. Народ смиренно и быстро нес на жертвенник рис, цветы, мелкие монеты и, кланяясь, шепотом возносил моления Садгу, Доброму, Несравненному, соединял ладони у лба, быстро и бесшумно падал на них, и жрец, стоя среди лежащих, мерно бормотал, — читал тоненькие пальмовые дощечки, исписанные правилами доброго поведения. Выйдя из Храма, смотрел, как неподвижное озеро становилось зеркально-розовым от заката, как оно потом покрывалось золотым блеском, и слушал древесных лягушек, тысячами звеневших вокруг, подобно бесчисленным жестяным колокольчикам. Потом, полулежа, мчался в глубокой темноте <на> рикше по бесконечной сводчатой аллее, ведущей в Перадению, и глядел, как мелькали кругом крохотные лампочки внутри сингалезских лесных хижин.

<1911>

МКТ. Машинописная копия.

Очевидно, отрывок из путевого дневника, который Бунин вел в 1911 г. во время путешествия на Цейлон (ср. «Воды многие». — Собр. соч. 1965—1967, т. 5, стр. 313—337 и 528). По содержанию примыкает к рассказу «Третий класс» (первоначальное название «Записная книжка» — там же, стр. 31—33, 512).

В отрывке описана поездка из Анарадхапуры, где Бунин осматривал памятники древней архитектуры (см. там же, стр. 130—138), до Перадени — небольшого городка на пути в Коломбо. Бунин остановился в Перадени, чтобы побывать в одном из самых замечательных ботанических садов Азии и посетить расположенный поблизости город Канди (Кенди) — бывшую столицу сингалезского государства, где сохранилась древнейшая святыня цейлонского буддизма — Храм Зуба Будды.

Впечатления от путешествия по склонам Алагаллы отразились в стихотворении «Цейлон. Гора Алагалла» (там же, т. 1, стр. 372).

БОГИНЯ РАЗУМА

Предисловие А. К. Бабореко

В основу этого рассказа положен исторический эпизод — «Празднество Разума» («La Fête de la Raison»), состоявшееся в Париже 10 ноября 1793 г. По замыслу Пьера Шомета, одного из руководителей левых якобинцев, это торжество должно было символизировать освобождение человеческого разума от пут католической религии.

Празднество началось в Соборе Парижской богоматери, где была разыграна сцена из оперы Госсекса «L'Offrande à la Liberté» («Жертвоприношение Свободе»): хор «поклонников свободы» прославлял «Богиню Разума». Затем, в сопровождении торжественной процессии, «Богиня» проследовала в Тюильри, где ее от имени французского народа приветствовали члены Конвента.

«Богиню Разума» изображала актриса Тереза Анжелика Обри (Aubry, 1772—1829), драматическая судьба которой и привлекла внимание Бунина. В рассказе о ней, так же как и в отношении самого празднества, он пользуется работами Ленотра,

который посвятил выдающимся деятелям и событиям Великой французской революции серию исторических очерков, выдержавшую несколько десятков изданий (G. L e n ô t r e. Paris révolutionnaire. Vieilles maisons, vieux papiers). Один из этих очерков — «La Déesse Raison» («Богиня Разума») — содержит основанный на документальных источниках рассказ о «Празднестве Разума» и судьбе Анжелики Обри.

Бунин высоко ценил Леногра, считал его «замечательным историком, замечательным писателем» («Возрождение», Париж, 1925, № 71, 12 августа) и неоднократно обращался к его труду как к источнику собственных исторических очерков (например, «Суета сует» — см. Собр. соч. 1965—1967, т. 5, стр. 465—468, 539). В «Богине Разума» он широко цитирует документы, которые приводит Леногр (в дальнейшем источник этих цитат специально не оговаривается).

Своего рода лейтмотивом рассказа является стихотворение Беранже «Богиня» («La Déesse»), обращенное к Анжелике Обри. Строки из этого стихотворения, которые вспоминает Бунин на протяжении всего рассказа, подчеркивают не только трагическое несоответствие дальнейшей судьбы героини той минутной славе, которая выпала на ее долю в день «Празднества Разума», но и скептицизм Бунина в отношении роли революционных катаклизмов в общем ходе исторического развития.

Первые «Богиня Разума» была напечатана в газете «Руль» (Берлин, 1924, № 1098 и 1099, 16 и 17 июля, с авторской датой: «Приморские Альпы, 16.IV.1924»). Вторая публикация — в сб. «Митина любовь» (Париж, 1925), с измененным заглавием («Богиня») и с датой: «16.V.24». Рассказ вошел в Собр. соч. 1934—1936, т. VII; здесь Бунин исключил ряд полемических высказываний на злободневные темы. Впоследствии Бунин трижды правил рассказ, внося исправления в экземпляр седьмого тома (хранится в ГБЛ — 429.2.2): в 1947 г. он внес стилистическую правку; в 1951 г. дополнил ее, и вернулся к прежнему заглавию; окончательно авторизовал текст за два месяца до смерти — в августе 1953 г. Это дает основание предпочесть данный текст тому, который помещен в сб. «Петлистые уши» (Нью-Йорк, 1954). Хотя этот сборник и был подготовлен самим Буниным с учетом описанной выше правки, но он вышел посмертно, без авторской корректуры (текст его содержит несколько опечаток и мелких разночтений с печатаемым нами текстом).

Отрывок (гл. I—VIII) воспроизведен в журн. «Дон», 1968, № 9, под заглавием «Богиня. Из очерка» (без учета авторской правки и без указания на источник).

I

Я записал этот день:

«Париж, 6 февраля 1924 г. Был на могиле Богини Разума».

II

Богиня Разума родилась в Париже, полтора века тому назад, звали ее Тереза Анжелика Обри. Родители ее были люди совсем простые, жили очень скромно, даже бедно. Но судьба одарила ее необыкновенной красотой в соединении с редкой грацией, в отрочестве у нее обнаружился точный музыкальный слух и верный, чистый голосок, а в двух шагах от улички Сен-Мартен, где она родилась и росла, находилось нечто сказочно-чудесное, здание Оперы. Естественно, что «античную головку» живой и талантливой девочки рано стали туманить обольстительные мечты, надежды на славную будущность. И случилось так, что мечты и надежды не только не обманули, но даже в некоторых отношениях превзошли ожидания. Тереза Анжелика Обри не только стала артисткой Оперы, не только пела и танцевала на ее сцене рядом с знаменитостями и вызывала восторженные рукоплескания, являясь перед толпой олимпийскими богинями, — то Дианой, то Венерой, то Афиной-Палладой, — но и попала в историю: 10 ноября 1793 года она играла на сцене, которую никогда не могла и вообразить себе, — в соборе Парижской Богоматери, выступала в роли неслыханной и невиданной, в роли Богини Разума, а затем — «argès

avoir détrôné la ci-devant Sainte Vierge» * — торжественно была отнесена в Тюильрийский дворец, в Конвент: как живое воплощение нового Божества, обретенного человечеством.

Погребена Богиня на Монмартрском кладбище. Как не взглянуть на такую могилу?

III

Я давно собирался это сделать. Наконец поехал. В солнечный день, уже почти весенний, но довольно пронзительный, с бледно-голубым, кое-где подмазанным небом, я вышел на улицу и спустился в ближайшее метро. Сквозняки, бегущая толпа, длинные коридоры, цветистые рекламы, лестницы все вглубь и вглубь и, наконец, совсем преисподняя, ее влажное банное тепло, вечная ночь и огни, блеск свода, серого, рубчатого, глянцевого, как брюхо адского змия... Через минуту я уже стоял в людном вагоне, мчался под Парижем и думал о Париже времен Богини Разума и опять — о ее удивительной судьбе, ее удивительном образе.

Современники писали о ней: «Одаренная всеми внешними дарами, какие только может дать природа женщине, она есть живая модель того античного совершенства, которое являют нам памятники искусства; при взгляде на ее стан и очерк ее головы тотчас является мысль о грозной эгиде и шлеме Афины-Паллады, и она особенно на месте в тех ролях, где черты лица, жесты, осанка, поступь должны воссоздавать богинь...» Это писалось, когда ей было уже лет тридцать пять. Можно себе представить, как прекрасна была она в двадцать, в те годы, когда она выходила на сцену в короткой тунике, в легких сандалиях на стройной ноге, с золотым полумесяцем на высокой прическе, с луком в длинных округлых руках, — Дианой Девственницей! Примадонной, дивой Обри никогда не стала; материальное ее положение было незавидно — всего несколько сот ливров в год жалованья да угол в родительском доме; положив за кулисами лук, сняв белила и румяна, сбросив тунику и закрутив волосы простым узлом, она надевала грошовое платье и бежала домой, дома же хлебала гороховую похлебку и укладывалась спать в чердачной каморке. Но справедливо говорили, что мадемуазель Обри *très sage***,— простодушие, милая легкость, нетребовательность всегда отличали ее характер. И вот «народ, разбивший оковы рабства, достойно прославил ее 10 ноября 1793 года», обессмертил «*ce chef-d'oeuvre de la Nature*»***, как галантно назвал ее Шомет, представляя Конвенту. И много лет после того распевали уличные певцы стихи Беранже о ней:

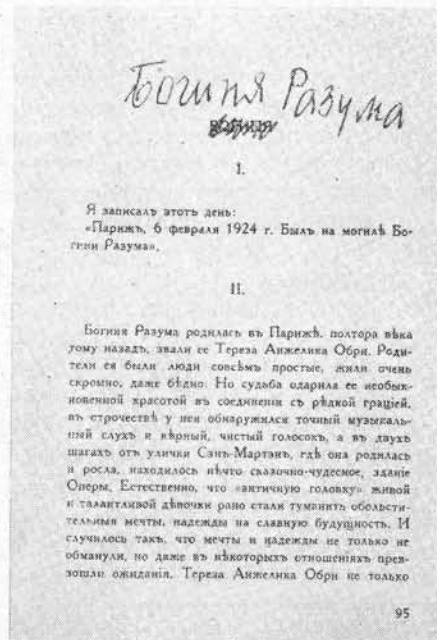
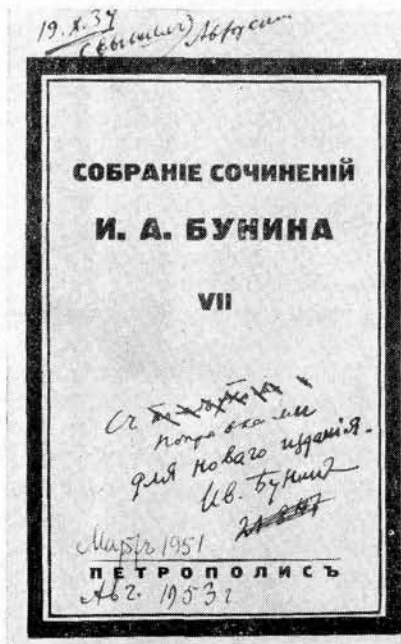
Est-ce bien vous? Vous que je vis si belle
 Quand tout un peuple entourant votre char
 Vous saluait du nom de l'immortelle
 Dont votre main brandissait l'étendard?
 De nos respects, de nos cris d'allégresse,
 De votre gloire et de votre beauté
 Vous marchiez fière: oui, vous étiez déesse,
 Déesse de la Liberté!****

* после того, как была свергнута бывшая святая дева (франц.).

** весьма скромна (франц.).

*** это чудо природы (франц.).

**** Неужели это ты? Ты, которую я видел столь прекрасной, когда толпа, окружив твою колесницу, приветствовала тебя, именуя той бессмертной, чье знамя развевалось в твоих руках? Ты шествовала, гордая нашим преклонением, нашими ликующими возгласами, своим торжеством и своей красотой — да, тогда ты была богиней, Богиня Свободы! (франц.— Из стихотворения «Богиня»).

СЕДЬМОЙ ТОМ «СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ И. А. БУНИНА» (БЕРЛИН, 1934).
ЭКЗЕМПЛЯР С АВТОРСКОЙ ПРАВКОЙ

Обложка и страница с началом очерка «Богиня Разума». На обложке пометы Бунина:
«19. X. 34 (вышел). Авторский»; «С [пометами и] поправками для нового издания. Ив. Бунин.
[21. 8. 47]»; «Март 1951 г.»; «Авг. 1953 г.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

IV

Возле Оперы я вышел на свет божий. Добродетельные греки были правы: небо, солнце, воздух — высшая радость смертных, трижды несчастны тени, населяющие широковатное царство Гадеса. Бедная Тереза Анжелика Обри, бедная Богиня Разума! Как бы это получше уяснить себе разумом, почему и за что уже сто лет гниет в земле «се chef-d'oeuvre de la Nature»?

Солнце, все-таки еще зимнее, уже склонялось, был самый людный час, и несметное множество народа и экипажей затопляло площадь в его зеленоватом жидком блеске. Пешеходы бежали, автомобили и omnibusы медленно текли страшной ревущей лавиной. Я поймал свободный автомобиль, вскочил и поехал дальше. Из одного длинного и узкого уличного пролета глянул на меня с высоты Монмартра бледный восточный призрак собора Sacré-Coeur...

V

В автомобиле я добросовестно постарался вспомнить возможно подробнее и представить себе возможно яснее все, что знал о 10 ноября 1793 года.

Какой был тогда Париж? Бог его знает, какой, слабо наше воображение, не велик разум. Ну, конечно, был Париж уже и тогда огромным городом, со множеством садов и поместий, с прекрасными зданиями, но и с лачугами, с лужами и грязью даже на площадях, с грубыми средневековыми мостами через патриархальную Сену... Левый берег вообразить лег-

че, — столько еще сохранилось там прежних узких улиц и узких нелепых домов. Зато собор все тот же. Как странно, — все тот же, как тогда, когда стояла под его сводами, на бутафорских скалах, возле Храма Премудрости, прелестная Тереза Анжелика Обри!

И на мгновение я довольно живо почувствовал душу Парижа в те годы, тот развал жизни, то нечто бездельное, праздничное и жуткое, то владычество черни, которым веет в воздухе во времена всех революций. И был сырой осенний день с сильным холодным ветром, сменившим ночной проливной дождь, и всюду — на мостах, в улочках, ведущих к собору, и особенно на площади перед ним и в нем самом, — было великое, как бы ярмарочное многолюдство, и поминутно раздавался над городом грохот пушек, салютующих коронованию Нового Божества. А Новое Божество стояло под сводами собора, «dans cet édifice ci-devant dit église métropolitaine» * на скалистой горе, возле белоколонного храма, в красной шапочке, в белой хламиде, опоясанной пурпуровой лентой, с копьём в руке, и два хора — «des adorateurs de la Liberté» ** — тоже во всем белом, в венках из роз, возжигали перед ней ароматы, воздавали ей поклонения и протягивали к ней обнаженные руки:

Descends, ô Liberté, fille de la Nature! *** —

а густая толпа «патриотов», переполнявшая собор, ревела и рукоплескала...

VI

Монмартрское кладбище было когда-то за городом и, вероятно, было уютно, мирно, похоже на рощу, на большой сад. Теперь все растущий город окружил его отсюда, включил в себя. А так как оно лежит в низменности, то через эту низменность перекинут теперь длинный и тяжкий железный мост, по которому беспрерывно идут и едут, катятся с глухим гулом валкие omnibus, несутся и на разные лады вопят автомобили, гремят и звенят трамваи. И вот первое, что ударило по моему чувству и зрению, когда я достиг места вечного пристанища Богини Разума: этот черный грубый мост, под которым проезжают к железным воротам кладбища и который день и ночь грохочет над покойниками. А затем произошло нечто совсем неожиданное.

Я хорошо знал, что славная Тереза Анжелика Обри была забыта еще при жизни весьма основательно, а впоследствии уже настолько, что целых сто лет даже историки, специально занимавшиеся изучением «великой» революции и в частности культа разума, почти все были убеждены, что знаменитую революционную Богиню изображала m-me Maillard, балетный кумир тех дней, пока не догадались заглянуть в уцелевшие газеты от 11 ноября 1793 года. Но я как-то не подумал об этом хорошенько, да отчасти и был прав: ведь все-таки теперь имя Терезы Анжелики Обри должно быть в каждом новом учебнике. Мне все-таки представлялось, несмотря на все мои горестные мысли о ней, что по крайней мере хоть на кладбище-то ее могила есть нечто и всем ведомо. Поэтому отчасти была простительна наивность, с которой я обратился к первому встречному: где могила Богини Разума? Однако встречный посмотрел на меня как на помешанного: — Богиня Разума? Что это такое?

Я пояснил. Но встречный развел руками и резонно посоветовал мне обратиться лучше в кладбищенскую контору.

* в этом здании, прежде называвшемся архиепископским собором (франц.).

** поклонников Свободы (франц.).

*** Сойди к нам, о Свобода, дочь Природы! (франц.).

Тогда я еще увереннее направился в контору. Каково же было мое удивление, когда и в конторе мне ответили на мой вопрос вопросом же:

— Это ваша родственница, г-жа Обри?

— Но совсем нет, — сказал я, опешив.

— Она давно погребена?

— В январе 1829 года.

И тогда на меня выпучили глаза:

— Помилуйте, да вы смеетесь! Можем ли мы знать всех погребенных здесь сто лет тому назад!

— Но неужели никто не посещает эту могилу, и я первый справляюсь о ней у вас?

— Кажется, первый! Обратитесь к какому-нибудь сторожу, может, он случайно знает по надписи на памятнике, если таковой есть и надпись сохранилась...

VII

А затем я спросил о знаменитой могиле у полной, с черными усиками женщины, стоявшей на пороге конторы, предполагая в ней привратницу. В самом деле, это была привратница, и к тому же очень живая и толковая, — эти полные с усиками всегда такие. Но и она о могиле не имела никакого понятия. А затем я тщетно расспрашивал сторожей, встречавшихся мне в голых аллеях, по которым я ходил не менее получаса, оглядывая надписи на памятниках. Затем опять обращался к встречным дамам и господам в трауре... И один господин ни с того ни с сего (вернее, с расчетом хоть чем-нибудь удовлетворить сумасшедшего искателя знаменитых могил) предложил мне взглянуть на могилу Золя. Эта могила была в двух шагах от меня, на пригорке. К вечеру совсем засвежело, небо над кладбищем стало еще бледнее, низкое солнце холодно и резко освещало ледяную и блестящую наготу безобразно-громадной глыбы красного гранита, на которой не было ни единого религиозного знака, ни одного слова Писания, — очевидно, тоже в честь Разума. Над глыбой стоял на цоколе терракотовый бюст — моложавый мужчина лет тридцати, щеголевато-демократической и артистически-рабочей наружности, с длинными волосами и в блузе. Я взглянул и, закурив, рассеянно сделал несколько шагов по аллее, потом зачем-то в сторону, среди деревьев, крестов и памятников, где местами лежал серый снежок. — «Ну и бог с ней, с этой Богиней Разума, — подумал я, — пора домой», — и вдруг увидал себя как раз перед ее могилой...

И присев на соседний надгробный камень, я уставился на могилу в полном изумлении.

VIII

Да, так вот оно что: даже на кладбище ни единая душа не знает и знать не желает о какой-то Богине Разума, некогда коронованной вот в этом самом Париже, под древними сводами собора Парижской Богоматери. Но мало того: что же это такое перед моими глазами?

Перед моими глазами было старое и довольно невзрачное дерево. А под деревом — квадрат ржавой решетки. А в квадрате — камень на совсем плоской и даже слегка осевшей земле, а на камне — две самых простых каменных колонки в аршин высоты, покосившихся, изъеденных временем, дождем и лишаями. Когда-то их «украшали» урны. Теперь колонки лишены даже этих украшений: одна урна совсем куда-то исчезла, другая валяется на земле. И на одной колонке надпись: «Памяти Фанни», на другой — «Памяти Терезы Анжелики Обри».

— «Est-ce bien vous?» *

* Неужели это ты? (франц. — Из стихотворения «Богиня»).

Неужели это правда, что это именно она, она самая, мадемуазель Тереза Анжелика Обри, лежит в земле в двух шагах от меня?

Там еще есть гнилые, смешавшиеся с землей остатки гроба, правильно лежащие кости, зубастый череп... Это она? Конечно, она. А с другой стороны — конечно, не она... Мудрый разум, помоги, — я всегда в подобных случаях совершенно теряюсь и путаюсь!

Но разум не помогал.

IX

Бесспорно, судьба Обри была удивительна. Но удивительна больше всего в силу необыкновенных несчастий. В общем она была истинно ужасна. И Обри, при всей независимости своей натуры, не могла не понимать это даже в те дни, которые, казалось бы, должны были быть ее лучшими днями.

Революция совпала с апогеем ее красоты и молодости. И, казалось бы, что ж ей, молоденькой фигурантке, да еще дочери ремесленника, революция? Только радость! А потом — «vous êtes déesse, déesse de la Liberté!»* И жалованья прибавили, да еще сразу вдвое... Но нет, слишком хороша она была по натуре для всех этих радостей.

На ее глазах началась и целые годы длилась страшная гибель всей той жизни, среди которой она родилась, росла, мечтала о сцене и которая, конечно, только восхищала ее своим блеском. Разрушает «старую жизнь» во время революций не презрение народа к ней, а как раз наоборот — острая зависть к ней, жажда ее. А у Обри даже и зависти не было. Ей нужны были, судя по ее характеру, только рукоплескания (причем рукоплескания маркиза она, вероятно, все-таки предпочитала рукоплесканиям трубочиста). И не могла она не чувствовать, не видеть, что такое есть то царство Братства и Равенства, в которое она попала, то «Жертвоприношение Свободе», — «L'Offrande à la Liberté», — которое приказано было ежедневно разыгрывать в Опере и которое тоже ежедневно разыгрывалось на улицах, в подвалах тюрем и на площадях с гильотинами. А бог, церковь? Может быть, она была равнодушна к религии. Но все-таки не могло не потрясать ее и все то, что делалось в те дни и с религией, вся эта вдруг начавшаяся по всей стране бешеная, зверская охота за священниками, грабеж и осквернение церквей и, как венец всего, упразднение бога по комиссарским декретам и переименование в «Храм Разума» собора Парижской Богоматери, сперва даже было предназначенного к полному разрушению. Могла ли быть горда и счастлива в такие дни вот эта самая милая, кроткая Тереза Анжелика, чьи кости лежат в земле предо мною?

X

Но она не только испытала весь этот общий кошмар, в котором несколько лет жила при ней вся страна. Над нею — уже лично над нею — внезапно разразилось нечто еще более ужасное: «tout un peuple la saluait du nom de l'immortelle»**, то есть, говоря проще, заставил ее играть самую дикую и постыдную роль в кощунстве еще более неслыханном, чем все прочие. Прости ей, боже, разве виновата была она! Ведь ее именно заставили, заставила самая свирепая из тираний, тирания Свободы. Да она и сама не могла чувствовать себя виноватой. И все же не сладко ей, вероятно, было. «Vous marchiez fière: oui, vous étiez déesse de la Liberté...» О, пошлейшая из пошлостей! Конечно, в глубине души несчастной Терезы Анже-

* Ты богиня, богиня Свободы! (франц. — из стихотворения «Богиня»).

** Народ приветствовал ее, пнеуя бессмертной (франц. — Из стихотворения «Богиня»).

МОГИЛА
 ТЕРЕЗЫ АНЖЕЛИКИ ОБРИ
 НА МОНМАРТРСКОМ КЛАДБИЩЕ
 В ПАРИЖЕ

Фотография

Н. Л. Крашенинниковой, 1971

лики была некоторая доля женской и профессиональной гордости. Конечно, порой голова ее кружилась: ведь все-таки она нынче, 10 ноября 1793 года, царица всего Парижа, первое лицо во всем этом небывалом и грандиозном, хотя и чудовищном торжестве, и играет роль, которую не играла никогда ни одна актриса в мире, и все это благодаря своей красоте, тому, что она и впрямь есть истинный «*chef-d'oeuvre de la Nature*». Но вместе с тем какой неописуемый ужас должен был туманом стоять весь день над полуголой, до костей продрогшей и вообще до потери чувств замученной заместительницей божьей матери!

Повторяю,— и до 10 ноября испытала она уже немало, неизменно участвуя во всей той напыщенной пошлости, которая каждый день шла, по приказу насквозь изолгавшихся изуверов, на сцене Оперы. Она, говорю, уже хорошо знала, что это значит в действительной жизни, все эти «*L'Offrande à la Liberté*» и «*Toute la Grèce ou Ce que peut la Liberté*»¹. Революционные вожди, как и полагается им по революционным обычаям, развивали сумасшедшую деятельность, каждый божий день поражали город какой-нибудь новой выходкой, так что в конце концов и восприимчивости не хватало на эти выходки, и самое неожиданное уже теряло характер неожиданности. И все-таки торжество 10 ноября свалилось на Париж (а на Обри еще более) истинно как жуткий снег на голову. «*Pour activer le mouvement antipapiste*»*, Шомет в четверг седьмого ноября вдруг распорядился на воскресенье десятого о «всенародном» празднестве в честь Разума, о беспримерном кощунстве в стенах Парижского собора, а m-ле Обри было объявлено, что ей выпала на долю величайшая честь возглавить это кощунство. И приготовления к празднеству закипели с остервенением, и к воскресенью все потребное, чтобы бог и попы были посрамлены окончательно, было вполне готово. Всю ночь накануне лил как из ведра ледяной дождь. Утром он перестал, но грязь была непролазная и дул свирепый ветер. Тем не менее с раннего утра загрохотали пушки, загремели барабаны, Париж стал высыпать на улицу...

* чтобы усилить антипапистское движение (франц.).

XI

И было великое безобразие, а для Обри и великое мучение, даже телесное. С раннего утра она, вместе с прочими «Обожателями Свободы», то есть с кордебалетом и хором, была уже в холодном соборе, репетировала. Потом стали собираться «патриоты», прискакал озабоченный Шомет — и началось торжество. Потом — и все под стук пушек, пение, барабаны и шум толпы — четыре босяка, ухмыляясь, подняли на свои дюжие плечи Обри вместе с ее троном и понесли, в сопровождении хора и кордебалета, пробиваясь сквозь толпу, сперва на площадь, «к народу», а затем в Конвент. И опять — давка, говор, крики, смех, остроты, а ноги чавкают по грязи, попадают в лужи, ветер рвет голубую мантию и красную шапочку посиневшей Богини, кордебалет тоже стучит зубами в своих вздувающихся от ветра белых рубашечках, забрызганных грязью, а сзади высоко качаются над толпой шесты, на которых надеты, для вящей потехи, золотое облачение и mitra парижского архиепископа. А в Конвенте — торжественный прием Богини всем «высоким собранием» во главе с президентом, который ее приветствует «как новое божество человечества», «заключает от имени всего французского народа в объятия», возводит на трибуну и сажает рядом с собою... Тут бы, казалось, и конец. Но нет! Из Конвента Обри понесли, совершенно так же, как и принесли, назад, в собор! Вообразите себе хорошенько это новое путешествие и перечитайте затем стихотворное красноречие Беранже...

XII

Прошла революция, снова наступила империя, и снова Обри заставляла разом подниматься все бинокли и лорнеты при своем появлении на сцене. Звезда ее стояла высоко, время, молодость, успехи сделали прошлое далеким сном. Но вот однажды, в один из самых блестящих вечеров, в присутствии самой императрицы и ее двора, во время апофеоза, которым оканчивалось «Возвращение Улисса»², в тот момент, когда Минерву-Обри медленно спускали с облаков на землю, «Слава» — я употребляю театральный термин того времени — «Слава», на которой восседала она, внезапно сорвалась и обрушилась... Когда-то Обри уступила однажды потребности любить, быть матерью — и стала ею. Теперь, после того, как ее, окровавленную и изувеченную, принесли в уборную и привели в чувство, первое, что слетело с ее губ, был крик: «Ради бога, не пускайте ко мне Фанни, это испугает ее!» А затем она тотчас стала умолять сказать ей правду: будет ли она в состоянии снова играть, если останется жива?

Нет, играть ей больше не пришлось. Всеми вскоре забытая, калека, обеспеченная только скудной пенсией, она повела грустную и однообразную жизнь в бедной и маленькой квартирке, с болезненной, медленно умирающей Фанни на руках, и жизнь эта, к несчастью, длилась еще много лет. Уличные певцы пели под ее окнами:

Je vous revois, et le temps rapide
Ternit ces yeux où riaient les amours...
Résignez-vous: char, autel, fleurs, jeunesse,
Gloire, vertu, grandeur, espoir, fierté,
Tout a péri: vous n'êtes pas déesse,
Déesse de la Liberté... *

* Я вновь увидел тебя, но быстротечное время погасило глаза, в которых некогда сияла любовь... Смирись: колесница и жертвенник, цветы и юность, слава, доблесть, величие, надежда, гордость — все погибло: ты уже не богиня, Богиня Свободы! (франц. — Из стихотворения «Богиня»).

Но знала ли она, что все это относится к ней? Нет, она даже этого не знала. Она знала только одно, знала и без Беранже: да, да, все прошло, все погибло, осталось действительно одно — покоряться судьбе да употреблять остаток сил на заботы о Фанни, на то, чтобы хоть как-нибудь обеспечить ее после своей смерти. Она всячески хлопотала об устройстве судьбы Фанни, писала завещание, прося добрых людей о ней да еще о своих похоронах, — о том, чтобы все было «прилично» и «чтобы поставили памятник на ее могиле». И бог дал ей под конец хотя и одно, но великое утешение: все-таки Фанни пережила ее, — Фанни успокоилась вот в этой самой могиле, что передо мною, через полтора месяца после ее смерти...

А может быть, ей было бы отраднее знать, умирая, что через полтора месяца она снова будет рядом — и уже навеки — со своею Фанни? Может быть, может быть... Что мы знаем? Что мы знаем, что мы понимаем, что мы можем!

XIII

Одно хорошо: от жизни человечества, от веков, поколений остается на земле только высокое, доброе и прекрасное, только это. Все злое, подлое и низкое, глупое в конце концов не оставляет следа: его нет, не видно. А что осталось, что есть? Лучшие страницы лучших книг, предания о чести, о совести, о самопожертвовании, о благородных подвигах, чудесные песни и статуи, великие и святые могилы, греческие храмы, готические соборы, их райски-дивные цветные стекла, органные громы и жалобы, «Dies irae» и «Смертию смерть поправ»... Остался, есть и вовеки пребудет Тот, Кто, со креста любви и страдания, простирает своим убийцам объятия, осталась Она, единая, богиня богинь, ее же благословенному царствию не будет конца.

16.V.24

¹ «Toute la Grèce ou Ce que peut la Liberté» («Вся Греция, или Что может совершить Свобода») — одноактная опера (музыка Жана Лемуана, либретто Луи Бейфруа де Реньи), поставлена в парижской Опере в сезон 1793—1794 гг.

² Первое представление балета Луи Милона «Retour d'Ulysse» («Возвращение Улисса») состоялось в парижской Опере 27 февраля 1807 г.

ПЛАЧ О СИОНЕ

Так сказал господь:

— Вот без причины плакали вы. Будет же вам плач из рода в роды.

На горах был Сион и храм его, — видный отовсюду. И когда в девятый день месяца Аб прошиб дым с пламенем золотую кровлю храма и донеслись до небес вопли гибнущих и торжествующие крики воинов Навуходносора, был в небесах великий страх и смятение.

И послал господь ангелов своих на помощь Израилю. Но царь, именуемый себя быком и торжествующий, уже сломил силы Израиля.

И был день тоски и ожидания и неизвестности и достиг вечера, и видел господь тьму внизу и как бы жаровню, полную раскаленных углей, на горе Мориа: ибо пожар прогорал.

К ночи же вернулись ангелы, посланные на защиту города. И лица их были бледны и покрыты пылью и копотью, и запах дыма был в их волосах и одеждах, которые были опалены огнем, и ссадины были на руках и коленях их.

И сказали ангелы, говоря господу:

— Не ты ли, господи, грозил народу твоему? Вот без причины плакали вы: будет же вам плач из рода в род. Ныне, господи, сбылась угроза твоя, по грехам Израиля.